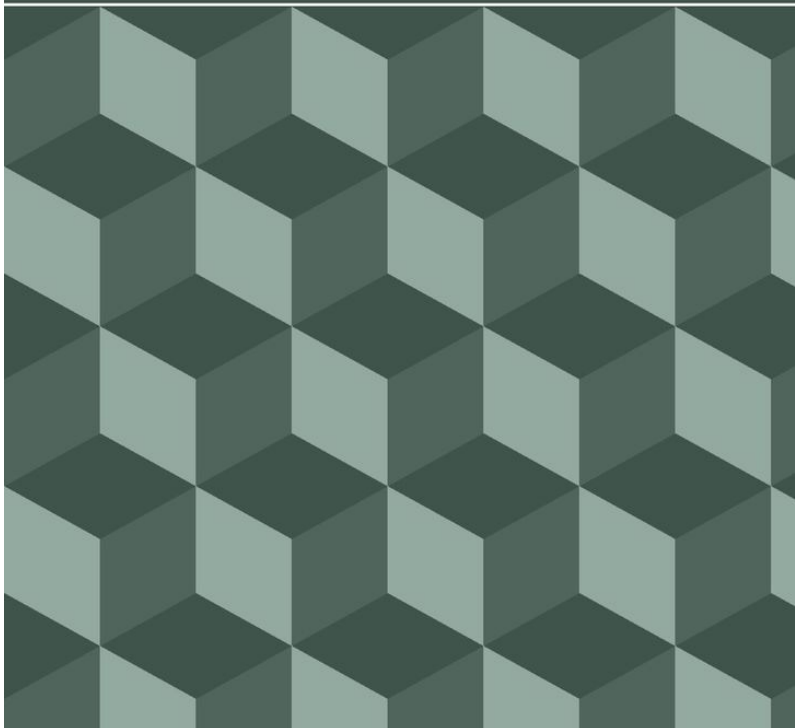

18+ Юрий Меркеев

Рождественское чудо

Юрий Меркеев
Рождественское чудо.
Для семейного чтения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17209253

ISBN 9785447455019

Аннотация

Сборник рассказов для семейного чтения. Прекрасная детская литература. С юмором, с доброжелательным отношением к персонажам, с любовью ко всему живому. По данным счетчика Мэйлру сборник «Рождественское чудо» был самым читаемым произведением в журнале «Новая Литература».

Содержание

Рождественское чудо	5
Грабеж, да и только!	13
Гермиона	20
Верина Надежда	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Рождественское чудо Для семейного чтения Юрий Меркеев

© Юрий Меркеев, 2020

ISBN 978-5-4474-5501-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рождественское чудо

Приближался праздник Рождества Христова. Машенька знала о том, что в Рождественскую ночь сбываются самые сокровенные желания. Девочке очень хотелось чуда.

Когда Маша была совсем маленькая – она помнила это отчётливо, – святой Николай подбросил ей в кроватку куклу, о которой девочка давно мечтала. Она тогда притворилась спящей, а сама всю ночь ждала чуда, и ей удалось подглядеть, как под утро в комнату зашел седобородый старичок в красном кафтане и, напевая про себя какую-то песенку, положил ей в кроватку куклу. А в прошлом году Маша обнаружила под ёлкой в своей комнате плюшевого медвежонка с большими добрыми глазами. Его, верно, тоже подбросил святой Николай. Медвежонок пока не умел разговаривать, но зато был очень послушным. «Интересно, – думала Маша. – А что же волшебного произойдёт в эту Рождественскую ночь? Что-то обязательно случится». Может быть, она опять увидит у своей кровати какую-нибудь красивую игрушку, а может... исполнится её давняя мечта иметь свои собственные коньки и пойти на каток с бабушкой. Вот было бы здорово! Кругом много ребятишек, раздаётся радостный смех, играет весёлая музыка, и она, как снежинка, кружится в каком-нибудь фантастическом танце.

Старший брат Дима посмеивался над ней и говорил, что

чуда никакого не бывает. Что всё это выдумки наивных взрослых и что подарки подбрасывают папа с мамой. «Чудо, – важно объяснял он. – Это когда чего-то появляется вдруг, а ты не знаешь, откуда. Понятно?».

Маша молча пожимала плечами.

Однажды Дима сказал:

– Если бы у меня был волшебный коробок со спичками, я бы одну спичку надломил, – он хитровато прищурился, – и попросил бы знаешь чего?

– Чего? – с придыханием спросила Маша.

– Миллион тыщ таких спичек, – с гордостью ответил он и высокомерно взглянул на сестрёнку. – А ты бы чего попросила?

– Я? – застигнутая вопросом врасплох Маша смущённо заморгала. – Я бы попросила... – Она задумалась и после небольшой паузы твёрдо проговорила:

– У тёти Наташи, нашей соседки, очень сильно разболелась нога. Она вчера поскользнулась и упала на улице. Вчера она маме сказала: «Нога разболелась так, что хоть режь». Так вот, – продолжала девочка, – я бы попросила, чтобы у неё тут же зажила нога.

– Эх ты, – обречённо вздохнул Дима. – Глупенькая. Ничего ты не понимаешь. Израсходуешь все спички на разные пустяки, а потом будешь у меня кланчить. Учти, не дам. Ты сначала научись на дело их тратить, – не на шутку разошёлся брат. – У тёти Наташи и так нога заживёт, а ты спичку из-

расходуешь. Ну до чего же ты, Машка, глупая! Ты вот что, – напоследок предупредил он. – Папе с мамой не говори, что я правду про чудо знаю. А то расстроятся.

Вечером, когда Маша уложила спать своих кукол, а плюшевого медвежонка, как обычно, поставила сторожить их сон – дело в том, что глаза у него были всегда открыты, – она с чувством исполненного долга легла сама и вдруг вспомнила дневной разговор с братом. И подумала: «Какой он всё-таки странный. Говорит, что знает правду о чуде, а сам ничегошеньки и не знает. Говорит, что чудо – это когда чего-то вдруг появляется, и не знаешь, откуда. – Машенька тихонько рассмеялась. – Какой же он глупенький! Узоры зимой на окнах появляются, кто их рисует? Значит, это чудо. А луну кто каждую ночь подвешивает на небо? А снежок кто с неба посыпает? Хоть он и старше меня на два года, – подумала девочка, засыпая, – а совсем ещё глупенький».

В сочельник приехала бабушка и привезла «сочиво», вкусную рисовую кашу с изюмом и мёдом. Никто не умел так вкусно готовить, как бабушка. Машеньке она однажды открыла свой секрет: «Прежде чем взяться за что-нибудь, я всегда прошу помощи у Бога».

– Подожди, бабушка, – удивлённо воскликнула Маша. – Ведь Бог родится только завтра. Как же я у него буду что-то просить, если Он ещё не родился?

Бабушка улыбнулась и погладила внучку по волосам.

– Бог не рождается и не умирает, как люди. Мы же празд-

нуем день рождения Иисуса Христа, который пришёл на землю в образе простого человека и пострадал на кресте, – ласково пояснила она. Потом с умилением посмотрела на Машу. – Твой день рождения мы ведь тоже празднуем каждый год, хотя родилась ты не сегодня. В Рождественскую ночь ты можешь попросить исполнения своей самой дорогой мечты, – продолжила бабушка голосом, каким обычно читала сказки на ночь, и вдруг загадочно улыбнулась. – Ты ещё не разлюбила смотреть по телевизору фигурное катание? – спросила она как бы невзначай. Маша рассеянно кивнула. Она думала о другом.

– Бабуль, я хочу у тебя кое-что спросить... – девочка умоляюще взглянула на Евдокию Кузьминичну. – Правда ведь, чудо – это не выдумки взрослых?

– Нет, конечно, – воскликнула бабушка. – Чудес вокруг нас полным-полно. Только не каждому они открываются. Чудо видит только тот человек, который в него верит. А верит в чудеса только тот, кто прикоснулся к Богу.

Она вынесла из прихожей книжку и подала её Машеньке. – Это Рождественская история, – сказала она. – В картинках. Мой подарок тебе к Рождеству. Прежде чем лечь сегодня спать, полистай эту книжку.

Она поцеловала внучку и пообещала разбудить её рано утром, если та не проснётся сама.

Наступила волшебная ночь. Машенька решила не спать до самого утра, чтобы не пропустить появления первой

звезды. В эту ночь она не стала укладывать своих кукол, а плюшевому охраннику строго-настрого приказала отгнать от них сон. «Хорошо ему, – весело подумала она. – У него глаза никогда не закрываются, поэтому он никогда не спит». Все свои игрушки Маша разместила под ёлочкой. Им там будет хорошо.

Девочка легла на кровать, открыла бабушкин подарок и стала разглядывать картинки. Она увидела старинный ночной город; на одной из узких улочек – удивительной красоты девушку в накидке от дождя, рядом с которой стоял седовласый бородатый мужчина с добрыми глазами. Потом дорога повела в горы... Зачарованная Маша остановилась в огромной долине, где пастухи пасли стадо овец. По склону горы на фоне изумрудного ночного неба медленно спускался караван верблюдов, навьюченных какими-то тюками, а впереди с посохами в руках шли три бородатых старика в богатых одеждах. В небе вдруг вспыхнула звезда, которая всё вокруг осветила. И девочка отчётливо увидела, что находится недалеко от пещеры, из которой доносится плач младенца. Откуда-то сверху, прямо с неба, потекла музыка: «Слава в вышних Богу, на земле мир, в человеках благоволение...». Маша вспомнила этот тоненький перезвон небесных колокольчиков. Однажды она уже слышала эту музыку... в тишине, ночью, зимой, когда находилась одна в своей комнатке. Эта музыка доносилась с улицы, откуда-то сверху. Она тогда разбудила Диму, но он ничего не услышал и сказал, что ей всё

это мерещится. Какой же он всё-таки смешной!

Затаив дыхание, она вошла в пещеру. «Подойди, прикоснись ко Христу, – услышала она бабушкин голос. – Чудеса рядом с нами, но видят их только те, кто прикоснулся к Богу». Машенька вдруг почувствовала чье-то ласковое прикосновение и... проснулась. За окном кружились снежинки, в небе сияла первая утренняя звезда. Рядом с кроваткой стояла бабушка.

– С Рождеством, милая моя внучка.

– С Рождеством, бабушка.

Маша потянулась, зевнула и не торопясь слезла с кровати. Неужели она спала? А как же Миша, куклы? Она метнула взгляд в сторону ёлочки и обомлела. Там, рядом с плюшевым мишкой, лежали чудные белые коньки, о которых она мечтала.

Утром был праздничный пирог с чаем. Нарядная ёлка в большой комнате сверкала множеством разноцветных огней. Пахло мандаринами. Дима получил в подарок изумительный детский конструктор и возился с ним, что-то собирая.

Этим утром произошло ещё одно чудо. К ним на минуту заскочила соседка тётя Наташа, поздравила всех с праздником, принесла в подарок большого шоколадного зайца, коробку конфет, всех расцеловала, а потом радостно сообщила, что нога у неё за ночь совершенно зажила, и что она не может понять, каким образом это чудо свершилось.

Бабушка и внучка с улыбкой переглянулись.
– С Рождеством всех вас...

Грабеж, да и только!

Мне было девять лет, когда родители решили отправить меня и моего старшего брата Диму накануне Пасхи к тётё Наташе, моей крёстной и родной сестре отца. У тётушки не было детей и семьи, поэтому к нам, племянникам, она относилась с горячей любовью.

Крёстная встретила нас на железнодорожном вокзале, купила по мороженому и повезла в свою однокомнатную квартирку, расположенную на окраине города рядом со старым кладбищем. Дима почти сразу убежал на улицу знакомиться с местной ребятнёй, а я остался помогать тётушке готовить пасхальный кулич и украшать яйца. Крёстной явно не терпелось поделиться со мной чудесными историями, связанными с церковными праздниками. Таинственным полущёпотом она поведала о взлетевших на купола собора брачных венцах, о кровавых слезах Богородицы и о вросшей в пол комсомолке Зое, которая отважилась в пьяной компании плясать с образом Николая Угодника в руках, да так и осталась стоять, словно мумия, на одном месте. Тётя прибавила, что будто бы впоследствии эту Зою вырезали вместе с полом электропилой и отвозили в больницу, чтобы постигнуть причину чуда, но так ничего и не постигли. Во время рассказа тётушка странно преображалась: глаза её сыпали искрами, она казалась мне безумной. В конце каждой исто-

рии она бурно крестилась и приговаривала: «Господи, удостой грешную рабу Наталью своими глазами увидеть чудо!». Иногда плакала, а иногда смеялась, и от этих внезапных перемен настроения её истории приобретали зловещие очертания «страшилок», которыми обычно пугают детей. Впрочем, мне это было даже интересно. Поэтому, когда она спросила, не хочу ли я пойти вместе с нею в пасхальную ночь на кладбище, христосоваться с покойничками, я, вместо того чтобы отказаться, с мальчишеской бравадой ответил «да».

– Димку не возьмём, – рассудила крёстная. – Он в Бога не верует и всё время хохочет. Покойнички – люди суровые. Они шуток не любят.

Последняя фраза тётки показалась мне комичной, и я сам чуть не расхохотался.

Спать легли рано. Тётя расположилась на полу, нам постелила на диване. Дима почти моментально уснул и засопел, вероятно, от того что в поезде нас нещадно трясло. Я долго ворочался, возбуждённый тётиными рассказами. Не заметил, как задремал. В коротком кошмаре ярко и выпукло увидел разом все рассказанные тётей истории. Проснулся я, оттого что меня за плечо трясла крёстная. Она была уже одета. Я потянулся, зевнул, зашёл в ванную, потом на кухню, где перед иконками теплилась лампадка. Тётушка складывала в сумку какую-то снедь.

– Кулич взяла, яйца взяла, водку не забыть, – бормотала она. – Так полагается. Рюмочку нальем и на какой-нибудь

могилке оставим. Покойнички – люди суровые. Лежать им там несладко, а раз в год и разговеться можно.

За окном густо темнела ночь, но где-то справа, с востока, пробивалась полоска света.

– Господи, удостой увидеть чудо! – воскликнула тётя и, умилённо поцеловав иконку, затушила лампаду. – Пошли, – заговорщически шепнула она.

Внутри у меня все хлопотало. Я участвовал в приключении, о котором мог только грезить.

До кладбища от тётиного дома было рукой подать, однако мне показалось, что мы добирались до него едва ли не час. Наконец, вошли в ворота и нырнули в темноту кладбищенских аллей. И тут бравада покинула меня. Я схватил тётю за руку, потому как мне померещились чьи-то приглушённые голоса, стоны и вой. Крёстная тащила меня в глубь старого кладбища. Кажется, она была настолько уверена в эксперименте, что ничего и никого не боялась. Около каких-то могил, обильно заросших кустарником, крёстная остановилась, трижды поклонилась земле, затем рухнула на колени, вынудив меня сделать то же самое, и каким-то сладеньким голосом пропела:

– Христос воскрес, покойнички. Каково живётся вам там, родимые?

И наострила уши, впиваясь взглядом в темноту. Ещё мгновение, и я, наверное, потащил бы тётю обратно домой. Однако в этот момент случилось то, что я меньше всего ожи-

дал – от страха и нервного перевозбуждения я начал похихивать. Тётя сверкнула глазами и прижала ладонью мой рот, но тут произошло нечто такое, что буквально пригвоздило нас обоих к прохладной земле. За густым кустарником кто-то чихнул и пробурчал прокуренным мужским басом:

– Хреново, мать.

– А-а-а! – закричали мы с тётей.

Кажется, волосы встали у меня дыбом. Тётя, вероятно, также не была готова к столь быстрому и явственному чуду, потому как больно сдавила мою ладонь и пробормотала нечленораздельное:

– Я да... Да мы... Я мы...

Тётушку будто заело.

– Ты, мать, это... водки принесла? – строго спросил покойничек.

Крёстная икнула, высвободила, наконец, мою ладонь и стала спешно выкладывать из сумки всё, что принесла.

– Ты это... чего молчишь? – прогудел бас.

Тётя взяла себя в руки.

– Принесла, принесла, – оживилась она. – Чи, знаю, что лежать несладко.

– Холодно, – помог ей покойничек.

– Холодно, – ухватилась тётушка. – И сыро. Раз в год-то и разговеться можно.

– Ты это... На могилке всё оставь, а сама иди, мать, иди, – почти ласково прибавил покойник. – А с тобой это кто? –

неожиданно спросил он.

– Со мной-то? – встрепенулась тетя Наташа. – Это племяш мой. Погостить приехал.

– Племяша с собой заberi, – приказал бас. – И уже иди, иди, – взмолился он.

– Бегу, – ответила тётя и снова, схватив меня за руку мёртвой хваткой, потащила к выходу. Должен признаться, что рванули мы с тётей по-спринтерски. Позади себя я услышал треск ломающихся веток кустарника и, охваченный любопытством, на мгновение обернулся. Я увидел силуэт какого-то взлохмаченного бородатого мужика, который шарил руками в том месте, где крёстная выложила продукты и водку. И почему-то вспомнил фразу тётки о том, что «покойнички люди суровые». Именно – люди! Выскочив за ворота кладбища, тётя замедлила бег, перешла на шаг, а затем и вообще остановилась отдышаться. Мне показалось, что она над чем-то напряжённо думает. И захотелось как-то утешить её.

– Кажется, вас, тётя, Бог услышал, и мы чудо увидели, – радостно заметил я.

Крёстная как будто и не слушала меня. Она нахмурилась, затем хлопнула себя по лбу ладошкой и воскликнула, возмущённо потрясая кулаком в пустоту.

– Вспомнила! Вспомнила этот голос. Ух, паразит! Это ж местный бомж по прозвищу Челентано. Живет на кладбище. Грабёж, да и только! – Она повернулась ко мне. – Ты что-то сказал?

– Я? Ничего.

– Грабёж, да и только, – продолжала сокрушаться тётя Наташа. – Чуда захотелось. Недостойная я, чтобы мне чудо подавать. Во как! – заключила она.

Подходя к дому, тётушка обратилась ко мне с просьбой не рассказывать никому о нашем ночном приключении, уж тем более Димке, который к тому же и в Бога не верует. Я, конечно, дал своё согласие.

Утром был пасхальный кулич с чаем, крашеные яйца, много всего вкусного и хорошее доброе настроение, может быть, ещё и оттого, что своим безрассудством тётя невольно создала праздник ещё одному неизвестному мне человеку по прозвищу Челентано.

Гермиона

В каждом дворе наверняка найдётся хотя бы одна девочка, которая очень... нет-нет, **ОЧЕНЬ** любит кошек – до самозабвения, до слёз.

Живёт такая девочка и в нашем доме. Зовут её Дашенька. Ей годика три-четыре, но, несмотря на свой капельный возраст, она знает всех кошек в округе поимённо, и домашних, и диких. Сдаётся мне, что кошки отвечают Даше взаимностью. Стоит ей выйти во двор с пирожком или бутербродом, как вокруг неё тут же собирается небольшая стайка ласковых «вымогателей».

Однажды молодой рыжий Барсик зачем-то забрался на самую высокую берёзу и начал орать. День орал, другой. Нервы у главной кошатницы нашего дома тёти Вали дрогнули, она вызвала спасателей МЧС и местное телевидение. Кота спасали всем миром, и, когда Барсик был вызволен из западни, усатый дяденька в форме сотрудника МЧС сердито произнёс:

– Сколько выезжаю на подобные вызовы, ни разу не видел на дереве высохшую мумию кота. Кошки хитрые бестии.

Услыхав это, Дашенька зарыдала, хотя едва ли поняла, о чём говорил офицер. Я присутствовал при этом, и, глядя на лицо девочки, понял, что плачет не Даша, а ангел, который находится в ней.

Как-то раз по весне к нашему дому прибилась пёстрая пушистая кошка-инвалид на сносях. Она с трудом передвигалась на двух передних лапах, волоча за собой парализованные конечности. Но при этом была поразительно ласкова, добра к людям – к существам, которые, возможно, стали причиной её увечья. Жила она в подвале, и когда на улицу выходила Дашенька, тут же появлялась рядом с девочкой, получая и даря порцию душевного тепла. На правах доброго опекуна Даша назвала пестрянку Гермией, вероятно, в честь любимого персонажа фильмов о Гарри Потере. Гермия толстела не по дням, а по часам, и, чем округлее становилась, тем яснее было нам, взрослым людям, что она вряд ли сможет благополучно разрешиться от бремени. Скорее всего, погибнет и она, и её котята. Потому жители нашего дома относились к этой животинке особенно ласково. Иногда, наблюдая за тем, как безропотно и спокойно кошка переносит свои страдания, я в восхищении качал головой, вспоминая свои собственные малодушные протесты даже против самой пустячной боли. Поистине у животных можно научиться смирению. Дашенька очень привязалась к Гермией, и я с трудом мог представить себе, как девочка переживёт боль утраты.

Через неделю кошка окотилась и умерла. На свет появились пятеро слепых котят, которых быстро разобрали жители нашего дома. Одного котёнка, разноцветного, похожего на Гермию, взяла Дашенька. Несмотря на радость при-

обретения маленького существа, девочка ходила по двору очень грустная. Очевидно было, что она тоскует по Гермионе. Однажды она набралась смелости, подошла ко мне и задала прямой вопрос, какой могут задать только маленькие дети.

– Скажите мне, пожалуйста, только правду. Где сейчас находится Гермиона? В раю?

Вопрос был поставлен ребром. Пытливые детские глазки впились в меня в ожидании ответа. И я сдался. Я солгал. Мне ничего не было известно о посмертном состоянии кошечки, но я уверенно заявил:

– Поверь мне Даша, Гермиона сейчас находится в раю рядом с Боженькой. Даже если она в чём-то и согрешила за свою кошачью жизнь, съела какую-нибудь пташку или стянула у бабушки Вали кусок колбасы, Боженька давно простил ей это. А за свои страдания она, возможно, получила особый венец, и сейчас точно находится в райских садах, где нет страдания, боли, где никого не надо ловить, чтобы насытиться.

Дашенька очень внимательно выслушала меня, возможно, мало что уразумев, облегчённо вздохнула и кивнула головой. И я отчётливо понял, что кивнула не девочка, а ангел, который вырослел вместе с нею

Верина Надежда

У девочки Веры была любимая кукла по имени Надя. Ей подарили её на день рождения, когда девочке исполнилось пять лет. Верочке нравилось наряжать свою любимицу, купать её в пластмассовой ванне, кормить с ложки, укладывать спать, а когда Надя заболела, девочка ставила ей игрушечный градусник, лечила витаминками и становилась серьёзной и строгой, как доктор.

Время шло. Как это нередко случается с маленькими девочками, постепенно Вера охладела к своей любимой игрушке и начала просить у мамы купить новую по имени Барби. Это была совсем другая кукла, не такая беспомощная, как Надя – модная, разодетая в разноцветные платьица, красивые шляпки и туфли на высоких каблуках. Совсем как у взрослых. К тому же Барби никогда не болела, не плакала, не меняла выражения своего рисованного лица. Почти у всех детсадовских подружек уже имелись Барби, девочки даже объединились в одну обособленную компанию, куда не допускались подобные Наде плаксы-пухляши, поэтому Вера со слезами умоляла маму поскорее купить ей новую куклу. И мама, как это нередко случается с некоторыми добренькими родителями, вскоре купила дочери куклу Барби, хотя маме она совсем не нравилась.

Теперь, когда Вера играла с Барби, кукла Надя беспомощ-

но лежала в коробке со сломанными игрушками и молча глядела перед собой чистыми наивными нежно-голубыми глазами, в которых была покорность судьбе, смирение и лёгкая грусть по прошлой радостной жизни. У Нади не было ни злости, ни зависти к новой кукле, лишь только капельная обида на девочку, которая так быстро забыла добрую преданную и любящую Надю.

Однажды Вера обратила внимание на глядящую на неё с укоризной старую куклу и решила её превратить в Барби. Девочка взяла фломастеры и слегка подкрасила ей губы. Этого показалось мало, и она смело подвела ей глаза и брови. А когда увидела, что вместо нежной маленькой девочки на неё смотрит какое-то размалёванное чудовище из кошмарных снов, то ужаснулась и тут же бросилась в ванную смывать страшный макияж. Вера подставляла куклу под струю горячей воды, терла щёткой с мылом, однако фломастер успел впитаться в лицо Нади так сильно, что не хотел отмываться полностью. Когда Вера вытерла куклу насухо полотенцем, выяснилось, что краска с губ перешла в нездоровый румянец, а под глазами скромной Наденьки остались тёмно-синие разводы, отчего она стала выглядеть почти зловеще.

Папа у Веры был писателем. Он почти никогда не ругал дочь, даже не повышал на неё голос, а когда выходил из кабинета в зал, обычно шутил с Верочкой, рассказывая ей какие-нибудь смешные истории, от которых девочка весело хо-

хотала. Иными словами, у папы с дочерью была настоящая дружба. Однако в тот день, когда Верочка неудачно постирала Надю и бросила её в коробку со сломанными игрушками, папа обратил на это внимание, нахмурился и строго спросил:

– Что случилось с твоей любимой куклой?

– Она... она... – запинаясь, ответила девочка и густо покраснела. – Она заболела, – отводя глаза в сторону, выдохнула Вера.

– Чем же она заболела? – напирал отец.

– Понимаешь, пап, она хотела стать похожей на новую куклу и покрасила себе лицо, – чуть не плача ответила девочка. – А я... я...

– Эх, Вера, Вера, – укоризненно произнёс папа. – Твоя любимая кукла никогда не станет похожей на эту, как её... Барби. Потому как она совсем не хочет этого, а кто-то более сильный и могущественный к этому её принуждает. Не так ли, доченька?

Опустив голову, Вера кивнула. Две безмолвные слезинки выкатились из глаз и повисли на её шелковистых, загнутых кверху ресничках.

– А что же она хотела? – прошептала девочка.

Папа ласково обнял дочь и смахнул с её ресниц слезинки.

– Надежде всегда не хватает Любви, – спокойно пояснил папа. – А Вере нужна и Любовь и Надежда. Помнишь, я рассказывал тебе историю о трёх девочках – Вере, Надежде и Любви, – и об их маме Софии?

– Помню! – радостно воскликнула девочка. – Конечно, помню! Мою маму зовут Соня, то есть София, и ты сказал, что поэтому вы меня назвали Верочкой. А куклу мы все вместе назвали Надей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.